

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Богослужебныя книги, какъ извѣстно, не были нашимъ *національнымъ* произведеніемъ; онѣ суть памятники *переводныя*. Текстъ ихъ стоитъ въ полнѣйшей зависимости отъ греческаго оригинала, съ которымъ не разъ былъ сличаемъ и по которому неоднократно онъ былъ исправляемъ. Переведенныя съ греческихъ съ *буквальною* точностію, наши церковныя книги и по составу своему весьма часто являются совершенно сходными съ ними и, такимъ образомъ, всецѣло повторяютъ ихъ. Но древне-русская жизнь вообще и церковно-религіозная въ частности, представляя множество аналогій въ себѣ съ жизнію міра греческаго или византійскаго, не была и по существу не могла быть ея дословнымъ повтореніемъ. Безспорно, что наши предки во многомъ подражали Грекамъ и прилагали не мало усилій къ рабскому копированію чужой дѣятельности. Связанныя съ Византіей разнообразными отношеніями и главнымъ образомъ единствомъ вѣры, князья наши, какъ увидитъ читатель, ставили свои каменныя сборныя церкви св. Софіи и пресв. Богородицы, скажемъ словами извѣстнаго свящ. Сильвестра, *по Цареградскому обычаю, по мастеровъ посылали по греческихъ*, росписывали и вообще украшали ихъ *по греческимъ переводамъ*. Первые іерархи наши, нерѣдко родомъ Греки, посвящавшіеся въ Великой Константинопольской церкви, приходили, понятно, на Русь съ своими порядками, съ своимъ Церковнымъ Уставомъ. Разумѣется, тѣ и другіе въ подражательной дѣятельности своей неизбѣжно должны были считаться съ различными и трудно одолимыми порой препятствіями, начиная съ физическихъ условій нашей страны и кончая духовнымъ складомъ русскаго народа. *Каменныя* церковныя сооруженія, требовавшія отъ строителей техническихъ познаній, оказывались *необычными* для страны, изобиловавшей лѣсомъ. Не случайностію, конечно, была у насъ замѣна страдавшихъ отъ холода и сырости фресокъ иконнымъ письмомъ. Восточная манера праздничнаго убранства храмовъ *и улицъ* цвѣтами, растеніями и дорогими тканями, удобныя для Грековъ времена службъ и привычныя для нихъ способы созыва къ богослуженію не отвѣ-

чали вполне мѣстнымъ условіямъ и порой оказывались у насъ мало приложимыми. Въ области богослуженія не могло быть и не было непреодолимыхъ преградъ; но и въ ней не все сполна приходилось пересаживать, но кое что, такъ сказать, прививать и видоизмѣнять, а иное и совсѣмъ вновь заводить. Въ жизни русскаго народа и даже отдѣльныхъ его членовъ, а, тѣмъ болѣе представителей, время отъ времени, происходили событія, нуждавшіяся въ церковномъ, такъ сказать, освященіи. Въ одномъ городѣ нужно было отмѣтить установленіемъ празднества или учрежденіемъ такого или иного чина, на примѣръ, крестнаго хожденія знаменіе милости Господней или праведнаго гнѣва Его; въ другомъ мѣстѣ надлежало почтить болѣе или менѣе торжественною службой *новоявленнаго* угодника Божія и т. п. Полученный нами изъ Греціи вмѣстѣ съ вѣрою богослужебный обрядъ, оставаясь всегда вѣрнымъ своей первоосновѣ, долженъ былъ такъ или иначе перерабатываться и измѣняться, какъ и все, что живетъ историческою жизнію, принимать въ себя новыя формы и осложненія, оставлять подробности, не отвѣчавшія мѣстнымъ и новымъ церковно-религіознымъ потребностямъ. Занимающіеся изученіемъ первоначальной исторіи нашего богослуженія хорошо знаютъ, какъ слаба была въ первыя столѣтія христіанской жизни нашихъ предковъ эта творческая работа русскаго духа въ области послѣдняго, какими незначительными измѣненіями и дополненіями сопровождалась она на страницахъ богослужебныхъ книгъ, насколько ничтожна была, на примѣръ, въ нихъ замѣна греческихъ техническихъ словъ подходящими славянскими, какъ медленно проникали сюда памяти отечественныхъ святыхъ и мѣстно-русскій элементъ вообще, Вниманіе нашихъ оффиціальныхъ и частныхъ дѣятелей того времени устремлено было на возможно-полное усвоеніе Русью византійской обрядности и проведеніе въ нашу церковно-богослужебную практику цѣликомъ греческихъ чиновъ и Устава. О переработкѣ и примѣненіи послѣднихъ къ условіямъ народнаго быта, повидимому, тогда мало заботились. Къ тому же и историческія обстоятельства поработеннаго татарами и внутренне обезсиленнаго междуусобицами князей народа не благопріятствовали упомянутой созидательной литургической дѣятельности. Послѣдняя становится наиболѣе замѣтною уже послѣ того, какъ освободившаяся отъ монгольскаго ига, княжескихъ раздоровъ и долговременной зависимости отъ Византіи Русь начала объединяться подлѣ Московскихъ князя и первосвятителя, озираться во всѣхъ сторонахъ своей жизни, подводить въ нихъ итоги вѣками нажитому и усиленно преобразовывать то, что само собой напрашивалось на обновленіе. Къ этому

самому времени приведенія въ наличность и порядокъ пережитаго народомъ относятся, какъ извѣстно, усиленные хлопоты русскаго митрополита съ царемъ о пересмотрѣ и исправленіи „*многообразныхъ чиновъ церковныхъ*“ и восходятъ своимъ началомъ *Соборные Чиновники*, насъ занимающіе.

Будучи произведеніями *самобытно-русскими*, составленными отчасти по инициативѣ частныхъ лицъ, отчасти „повелѣніемъ и благословеніемъ“ нашихъ владыкъ, руками въ большинствѣ случаевъ неизвѣстныхъ по именамъ тружениковъ, Чиновники соборные составляютъ столько же любопытное въ области старо-русской письменности явленіе, сколько и весьма важные памятники литургико-археологическіе. Источникомъ для авторовъ ихъ служилъ не какой-либо уже *совстль готовый письменный* оригиналъ, а по большей части мѣстная церковно-богослужебная практика. „Извѣстно, что наши книжники“, писалъ по этому поводу покойный проф. Н. Θ. Красносельцевъ, „весьма мало проявляли себя въ самостоятельномъ творествѣ даже тамъ, гдѣ это нужно. При составленіи, на примѣръ, службъ въ честь новыхъ святыхъ они часто заимствовали изъ старыхъ слишкомъ много и буквально; иногда переписывали ихъ даже почти цѣликомъ, перемѣняя только имена“. Тѣмъ примѣчательнѣе обнаруженіе оригинальности въ такой области, гдѣ всего менѣе можно было ожидать встрѣтить ее. Содержащіяся въ Чиновникахъ описанія, нерѣдко очень сходныя между собой по содержанію, разнятся по изложенію и языку. Языкъ Чиновниковъ и вообще весьма значительно отличается отъ обыкновеннаго языка богослужебныхъ книгъ. Литургическіе термины, разумѣется, и здѣсь имѣютъ мѣсто, но строй рѣчи совершенно русскій, особенно въ изложеніи мѣстныхъ празднествъ и событій. Тѣ и другія описаны безъ риторики, слогомъ простымъ и непринужденнымъ. Изрѣдка въ этихъ описаніяхъ довольно замѣтно пробивается живая струя народной рѣчи, давая себя знать въ употребленіи безыскусственныхъ оборотовъ и мѣстно-областныхъ словъ. Заслуживая съ этой внѣшней-литературной своей стороны серьезнаго вниманія лицъ, интересующихся оригинальными произведеніями нашей старой письменности, *Соборные Чиновники* прежде и больше всего суть документы историко-литургико-археологическіе, въ которыхъ изложена по преимуществу богослужебная практика нашихъ соборовъ за XVI—XVII вѣка и отчасти заключено то, чѣмъ жили наши предки въ предыдущія столѣтія въ церковно-религіозномъ отношеніи. По обилію, разнообразію и цѣнности вообще содержащихся въ нашихъ памятникахъ свѣдѣній въ глазахъ исследователя судебъ христіанскаго богослуженія и вообще обрядности

на русской почвѣ могутъ идти въ сравненіе развѣ лишь во множествѣ дошедшіе до насъ *Обиходники* древне-русскихъ монастырей. Покойный профессоръ нашъ И. Д. Мансветовъ, объясняя въ предисловіи къ извѣстному своему труду: *Церковный уставъ*, почему онъ „изъ области старо-русскихъ уставовъ оставилъ нетронутыми мѣстно-русскіе церковные чины, представителями которыхъ служатъ монастырскіе обиходники и уставы соборной службы“, отстраняя отъ себя упрекъ въ неполнотѣ изслѣдованія предмета, замѣтилъ: этотъ отдѣлъ нашей литургической письменности настолько богатъ по содержанию и важенъ по своимъ выводамъ, что мы не рѣшились касаться его въ бѣгломъ очеркѣ. Въ виду уже изданныхъ матеріаловъ этого рода и начавшейся ихъ разработки, изслѣдованіе мѣстно-русскихъ уставовъ ожидаетъ спеціальной монографіи. Желательно было бы изданіе большаго числа матеріаловъ для исторіи греческаго и славянскаго устава“... Въ виду этого *высокоавторитетнаго* въ нашей отечественной литургической наукѣ заявленія, не видимъ надобности распространяться о мотивахъ, побудившихъ насъ взяться за предлагаемый трудъ.

Принявшись за изученіе *Чинovníковъ*, мы довольно скоро увидали, что одна часть изъ *изданныхъ уже матеріаловъ этого рода*, какъ появившаяся на свѣтъ около ста двадцати лѣтъ тому назадъ, ненадежна и малопрігодна для научнаго пользованія, а другая напечатана въ видѣ болѣе или менѣе отрывочныхъ и безсвязныхъ excerpts по неисправнымъ копіямъ и иногда очень небрежно. Убѣдившись въ сказанномъ, мы задались двоякою цѣлю въ отношеніи къ заинтересовавшимъ насъ памятникамъ: сначала привести ихъ по возможности всѣ въ извѣстность, предварительно обслѣдовать ихъ и полностью по лучшимъ спискамъ одни напечатать вновь, другіе и болѣе важные переиздать и потомъ уже приступить къ историко-литургическому разсмотрѣнію особенностей нашей древней соборной службы по нимъ. Первую изъ поставленныхъ себѣ цѣлей мы старались осуществить въ своихъ изданіяхъ *Чинovníковъ*, предваряя текстъ каждаго въ отдѣльности изъ нихъ предисловіемъ и сопровождая указателемъ; къ достиженію второй предназначено настоящее изслѣдованіе. Въ предлагаемой ниже *первой половинѣ* его, сказавъ о названіи *Чинovníковъ* и давъ общее представленіе о нихъ, мы подробно говоримъ о св. Софіи Константинопольской, какъ идеалѣ храмовыхъ и церковно-богослужебныхъ порядковъ для древне-русскихъ соборовъ, важномъ значеніи, внѣшнемъ благолѣпій и богатомъ внутреннемъ убранствѣ ихъ. Рѣчи о численности священнослужащихъ и вообще соборнаго клира служатъ у насъ переходомъ къ разсмотрѣнію *важнѣйшихъ*

особенностей наших старых кафедрально-епископскихъ церквей и преимущественно *входовъ* и *выходовъ* на праздничныхъ вечернѣ, утренѣ и литургіи. Въ этихъ обрядахъ и соединенныхъ съ ними священнодѣйствіяхъ, мало разъясненныхъ и даже совсѣмъ не затронутыхъ въ нашей литургической наукѣ, особенно, намъ кажется, рельефно отразилась практика Великой церкви и особенно глубоко сказалось вліяніе ея Устава. Другія не менѣ характерныя и уже значительно изученныя литургистами особенности нашей старинной соборной службы: разныя дѣйства, празднества въ честь *мѣстныхъ* святыхъ, церковно-бытовые обряды, ихъ сопровождавшіе, и т. д., въ обстановкѣ, въ частностяхъ и всемъ исполненіи которыхъ уже весьма замѣтно даютъ себя знать несомнѣнная работа русскаго духа, характеръ и вкусы народа, предположено нами сдѣлать, со временемъ, предметомъ *второй половины* изслѣдованія.

А. Толубцовъ.
